

ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО ПОСЛЕ БАХЧИСАРАЙСКОГО ДОГОВОРА 1681 Г.: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Последняя четверть XVII века – один из наименее изученных периодов в истории донского казачества. Специалисты чаще всего останавливаются на первых годах “послеразинского периода”, в контексте последствий подавления этого крупного народного движения. Между тем, на развитие казачества Дона влияли и другие факторы, обусловленные в т.ч. событиями международного характера. Так, несомненный интерес к донскому казачеству проявляли в указанные годы польская корона, крымские ханы. Состояние донского казачества определялось также международным положением Российского государства, теми обязательствами, которое оно несло, заключая различные договоры с участниками международного процесса.

Донское казачество, например, можно признать “пострадавшей” стороной по заключению Бахчисарайского договора между Россией и Османской империей в 1681 г. Дело в том, что донцы существенно ограничивались в возможностях совершать несанкционированные походы и набеги на владения Гиреев и Османов, а также другие, “опасные” в глазах Российского государства деяния. Кроме того, международные обязательства России нанесли удар по одной из доходных статей Войска Донского – “окупным” операциям в отношении пленных, свозимых казаками на Дон по итогам различных походов и набегов. В частности, отвечая на претензии хана Селим-Гирея I, Москва повелевала Войску обменять “окупных” татар, содержащихся на Дону, на российских подданных – жителей “украинных городов” [1, с.38-139]. Акции донских казаков, противоречившие “букве” перемирия 1681 г., необходимо рассматривать в комплексной связи с другими ограничительными основаниями со стороны царизма по отношению к Войску Донскому.

Из расспросных речей донских казаков – Петрушки Еремева и Сергушки Потапова (содержащимся в отписке курского воеводы от 15 сентября 1685 г.) выяснилось, что “пошло было их з Дону тридцать три человека, и в том числе пять человек донских казаков Запорожье в Сечю” [2, л.1]. Примечательно, что “наперед” того они уже проживали в Сечи; во время же очередной попытки попасть туда их поймали на Торе у Соляного городка. Петрушку и Сергушку отправили в Курск (откуда – в Батурин к гетману И. Самойловичу), остальных задержали до присылки царского указа. Задержанные сумели бежать из-под караула 24 августа. Обращает на себя внимание, что все фигуранты именуется в документах донскими казаками. При ближайшем, однако, рассмотрении оказалось, что 28 человек из их числа оказались “черкасами”, а остальные – действительно донскими казаками [2, л.7]. В Запорожье казаки шли “с волные реки на волную ж реку, где б зипун добыть”. Некоторых беглецов сумели поймать – отправив на “вечное житье” в Якутский острог.

1680-е годы – время очевидного снижения “морской активности” (вослед завершению “Босфорской войны” – по В.Н. Королеву) Войска Донского, причины чего – как целенаправленные действия Османской империи, так и возросшая зависимость Войска от России. В 1680-х гг., впрочем, действия казаков против Азова носили вполне “регулярный” характер. Акции такого рода мы рассматриваем в контексте нескольких мотивационных оснований со стороны казаков, включая их реакции на действия азовцев и, кроме того, последствий т.н. “польско-казачьей переписки”. Например, поводом для очередного “розмирения” казаков с Азовом и выхода в море в 1685 г. отряда К. Матвеева (Чюрносова) [2, л.21] послужило разорение, причиненное турками в 1684 г. двум казачьим городкам – Каменскому и Луганскому, а также разграбление купеческих судов, плывших в Черкасск. И все же, полагаем, на “азовском” направлении казаки реализуют сложное сплетение самых разных факторов, способных принести им пользу и “оправдать” военную активность Войска. Недаром в письме кошевому Сечи Г. Еремееву от 20 июля 1685 г. донские казаки прямо указывали, что “для того мы с азовцы и розмирились, чтоб ко королевской войне ево неприятельским людем от походу помешку учинить” [2, л.26-27]. Излишне при этом подробно говорить о том, что в объяснении причин “розмирения”, излагаемых уже для Москвы, Войско Донское прибегло к иным аргументам.

Впрочем, на проблему активности донского казачества необходимо смотреть шире, анализируя иные (не одни лишь “азовские”) направления ударов со стороны донцов, включая другие османские крепости, а также территорию Крымского ханства. Кроме того, и на этот аспект отечественная историография обращала лишь частичное внимание, до заключения Вечного мира с Речью Посполитой (1686 г.), подобные действия со стороны донцов являлись нарушением со стороны России Бахчисарайского договора. Вот почему их изучение необходимо рассматривать в связи с соответствующей реакцией Москвы, как участника международных договорных отношений того времени. Наконец, архивные источники позволяют развить содержательную составляющую

тезиса А.П. Пронштейна о том, что в нарушение присяги 1671 г., «еще в 80-х годах XVII в. Войско проявляло самостоятельность в отношениях с некоторыми государствами, в частности с Польшей и турецкими вассалами – Азовом и Крымом» [3, с.220].

События 1685 г. принесли ещё один пример попытки казаков выйти в море, и конкретную реакцию на это со стороны азовских турок-османов. В поход тогда выступили, намереваясь миновать Казачий Ерик, 1600 казаков на 75 морских стругах во главе с атаманом Ф. Голодным. Однако азовцы сумели «подметить» донцов и в море их не выпустили – «побив» тогда примерно 150 казаков [4, л.4]. После вынужденного отступления казачьей партии, Войско решило помочь казакам Ф. Голодного пробиться всё же через Ерик – для чего было решено выступить в поход под Азов, действуя, таким образом, на двух направлениях. Вторичная попытка казаков Ф. Голодного миновать Казачий Ерик успеха вновь не принесла – «на том... Ереке из Азова у турецких людей учинена крепость, пересыпано камнем. И как де стало розсветать, и на выласке азовцы их казаков побили пятьдесят стругов з запасы и с людьми и знаменны взяли». Действия отряда Ф. Минаева под Азовом также не достигли желаемого – вылазка турок из крепости военного успеха казакам не принесла [4, л.4].

В итоге оба атамана со своими казаками были вынуждены вернуться в Черкасск. Последующие споры казаков выявили их причину – донцы обвиняли атамана в неверных действиях, заявляя, что вернее надо было идти походом на Волгу – к слову сказать, на царских служилых людей (князя А.И. Голицина и полковника Б. Головнина): «Тут де бы был зипун доброй, такой же, что и при Стенке Разине» [4, л.5]. Казаки решают готовиться к общевоинскому сбору в Черкасске и просить хана Аюку помочь воинским контингентом – «будто идти под Азов». Смысл преподносимых информантом сведений сводился к тому, что казаки готовились к «воровскому» походу – среди его направлений упоминались Волга и Астрахань. К слову сказать, об одном из нападений «воровских» донских казаков на Волге вскоре стало известно из расспросных речей (22 сентября 1685 г.) в Саратовской приказной избе от нескольких очевидцев тех событий. Нападение на струг произошло «от Царицына повыше Камышенки, в урочище у речки Терновки...». Возвращаясь к анализу событий до указанного нападения, отметим, что атамана Фрола Минаева, упорно сопротивлявшегося таким намерениям, донцы в кругах «бранили матерно». Информант Москвы, Еремка Степанов, сообщил также, что казаки выражали сожаление – мол, напрасно они не отправились в «королевскую сторону с своею братьею». Донцы ожидали получения жалованья от короля, причем 300 казаков готовились выступить с Дона [4, л.7]. И еще одна деталь: «...Да он же...слышал от казаков, что есть де у них в Войсковой избе от полского короля к ним казаков и к Аюкаю тайше и в юрты к мурзам листы, а о чем, того де подлинно не доведалься, потому что бывают де у них тайные круги с старшиною малыми людьми» [4, л.7].

Оказывается, что в том же 1685 г. российские правящие круги озаботились перехватом «воровских» писем «своевольного» гетмана Могиленко (или, как в других документах – полковника А. Могиленкова, представителя польского короля), отправившего своих казаков к калмыкам для «перезывания» их на королевскую службу. «Переимать» таких посланцев надлежало воеводам и черкасским полковникам [2, л.17-18]. К слову сказать, еще грамотой от 28 октября 1684 г. царизм запрещал казакам подобное «своевольство» – с недовольством отреагировав на уход с Дона 200 донцов, а также калмыков, направившихся для начала в Сечь, а затем – в Польшу [1, с.129]. Недовольство Москвы имело резоны в той части отношений с Речью Посполитой, что она не спешила безоглядно присоединяться к действиям короля Я. Собеского по созданию широкой антиосманской лиги – по крайней мере, до заключения мирного договора с польской короной [5, с.297-299]. Имея ряд претензий к предложениям поляков по урегулированию территориальных споров, будучи связанным условиями Бахчисарайского договора, правительство царевны Софьи осторожничало. Тем более Москва имела все основания считать провокацией действия донских казаков, даже «размирившихся» с Азовом, «ведая у него, короля, войну с неприятели». Наконец, известная «отзывчивость» донцов на призывы короля противоречила условиям присяги 1671 г. – принципиальной важности документу в истории ограничения самостоятельности Войска. Что касается мотивации со стороны Я. Собеского, то в преддверии нового столкновения с турками-османами король был крайне заинтересован в сборе максимально возможных сил, в т.ч. привлеченных со стороны. И действительно, собрав в 1686 г. войск больше, чем под Вену в 1683 г., король выступил в поход против турок-османов, закончившийся, впрочем, для него поражением [5, с.301-302].

18 августа 1685 г. в Черкасске на казачьем круге «королевские листы» были озвучены – за богатое вознаграждение король Речи Посполитой Я. Собеский предлагал казакам идти ему на помощь. Однако Войско во главе с атаманом Ф. Минаевым тогда якобы от приглашения отказалось, мотивируя решение отсутствием «разрешительного» царского указа. Царизм, в свою очередь, вновь указывает на необходимость поимки королевских посланцев [2, л.23-24]. История с польскими письмами получила вскоре новое звучание – причем в контексте некоторых

последствий морских походов, ограниченная география которых не могла устраивать радикально настроенную часть Войска Донского. Информант Москвы, бывший на Дону, сообщал 5 сентября 1685 г., что в период его пребывания среди казаков (после 18 июля – ок. 16 августа) оттуда “вышло” по призыву польского короля 500 казаков [4, л.3]. “Польский след” некоторых событий, происходивших на Дону (“выходки” на территорию Речи Посполитой отдельных донских казаков и даже казачьих групп) представляет интерес с точки зрения оценок своего социального и даже международного положения самими казаками. Подчеркнем, что середина 1680-х гг. – это время обострения межрелигиозного конфликта казаков с Москвой, других конфликтов, из которых казаки искали выходы ситуативные и стратегические. *Сопротивление и неприятие* казаками ограничительно-репрессивным инициативам царизма находило свой выход в нескольких географических направлениях, которые в типологическом отношении автор рассматривает вместе.

В контексте реакции царизма на сведения о “польской измене” казаков, подкрепляемые из разных источников, следует рассматривать риторику и содержание грамоты на Дон от 14 октября 1685 г., присланной в Войско 6 ноября того же года. В частности, казакам указывалось на факт неоднократного напоминания им о запрете сношений с запорожцами и польским королем. В Москве стало известно, что 30 июня Войско Донское отправило ответ на письмо кошевого Г. Еремеева, а также вступило в переписку с польским королем [6, л.5]. Подробности имевшейся у Москвы информации (относительно содержания письма королю) заставляют полагать, что факт переписки действительно имел место. Далее Войско упрекалось в том, что “ведая у него короля войну с неприятели, с азовцы розмирились и ходили конницею в походы, и мужиков брали, также и судами на море ходили тысячи с четыре, и воинской промысл чинили и суды брали... и всякую помешку их войне [т.е. со стороны турок-османов. – Д.С.] с полским королем [Яном III Собесским. – Д.С.] чинили...” [6, л.5]. Подтверждением переписки Войска Донского с Запорожьем служил текст соответствующей отписки с Дона на Сечь, перехваченной Москвой. Очевидно несомненное раздражение царизма такой позицией Войска, которому прямо заявлялась следующая позиция: казакам не то что помогать королю, но “мыслить о том не годилось, потому что у нас... с турским салтаном и с крымским ханом учинен мир” [6, л.6-7].

Наконец, Москва напоминала Войску о прежних практиках соблюдения казаками крестного целования и о факте неслучайной “прибавки” им жалованья – как раз в связи с запретом ходить в походы на владения султана и хана после заключения Бахчисарайского договора. В заключение Москва повелевала немедленно направить в столицу переписку Войска с королем и запорожскими казаками – “потому что о всем о том, какие у вас с Полским королем есть ссылки и для чего... нам... подлинно известно”. Обращает на себя внимание, что примерно в то же время из Москвы были направлены гонцы в Крым – с сообщением хану Селим-Гирею I о самовольных действиях донских казаков и уверениями правителя Крыма в дальнейшей дружбе. Набеги донских казаков на владения хана, действовавших порой в союзе с запорожцами, вызвали дальнейшее продолжение дипломатической переписки Москвы и Бахчисарая – в т.ч. по поводу возвращения хану его подданных [1, с.138].

Позже казаки писали в своей отписке, что “королевский лист” (впрочем, лишь один из числа документов, интересовавших Москву) они отправили с атаманом Я. Даниловым и казаками еще 21 октября 1685 г., обещая, что впредь не станут “ссылатца” с королем. Звучали также заявления о том, что рядовым казакам запрещено под страхом смерти уходить с Дона на службу к польскому королю. Наконец, Войско отрицало обвинение в “опасной” переписке с запорожцами – “толко писали... чтоб нам с ними во вражде не бытии” [6, л.14]. Из рассказа же толмача И. Никитина в Москве, отправленного ранее на Дон с грамотой от 14 октября, следует, что в кругу казаки отрицали уход казаков с Дона. Любопытно, что на круге тогда присутствовали будущие активные деятели “донского раскола” – П. Сергеев, С. Лаврентьев, К. Матвеев (Чюрносков), Л. Федоров, фигурирующие в документе как старшины. В приватном же разговоре с толмачом Ф. Минаев заявил, что пытался отговорить казаков от “розмира” с ханом и султаном – “толко де они ево не послушали, потому что много голудбы и наброду...” [6, л.17].

Крайне важно, что тогда же Минаев *подтвердил* факт ухода части казаков к королю, потом якобы вернувшихся – из опасения подвергнуться репрессиям со стороны Войска. Не менее важны его слова о слухах и настроениях среди казаков, – готовых либо к походу на следующий год на Волгу, либо вновь к найму на королевскую службу. Впрочем, “голудба” не исключала и возможности похода против азовцев – “потому что кроме того кормитца и зипуна добыть негде...” [6, л.6-7]. С другой стороны, принять меры к восстановлению мира с азовцами казаки не возражали – но для договора о мире сами они никого из Войска отправлять в Азов не желали [7, с.361]. Интересно, в какой именно парадигме рассуждают здесь донцы – и Россия, и Азов, и само Войско явно рисуются им отдельными договаривающимися сторонами; причем отношения с Азовом казаки склонны рассматривать в контексте своих “собственных” проблем.

В ноябре 1685 г. Москва принимала станицу атамана Я. Данилова и есаула Н. Нефедова. Из представленной казаками войсковой отписки узнаем о затребованных еще раньше царями татарине “Есенееве сыне” (“Борачке”, как сказано в другом документе) и казаке Григории, бывших на службе у польского короля Яна III, а также о столь разыскиваемом “королевском листе” [8, л.1]. Оказалось, что еще в марте 1685 г. указанные лица оказались в “Волоской земле”. Участвуя в боях против турок и крымцев, они были замечены самим королем Яном III, и даже попали на две недели в Варшаву. Оказав выходцам с Дона самый достойный прием, “пустил их король на Дон в Войско с листом своим и словесно приказывал, чтоб [казаки] прислали к нему на помочь... войска” [8, л.9]. Впрочем, “героев” столь дальнего путешествия казаки тогда, в ноябре, не привезли – тех якобы не оказалось дома. Ничего удивительного в таком поведении татарина и казака, считаем, не было; поскольку сами донцы, представлявшие ноябрьскую станицу, говорили, что разыскиваемые лица не приехали в столицу, “боясь смертной казни”. Двусмысленную позицию по вопросу письменных сношений с поляками заняло тогда само Войско, уклонившееся от доставки в Москву со станицей Данилова/Нефедова королевского “листа”, адресованного самому Войску, а также “листа” на Дон от кошевого Запорожской Сечи. Выдача “изменников” не состоялась и позже (несмотря на требовательный тон очередной царской грамоты [1, с.133-135]) – атаман уже другой станицы, прибывшей в Москву в декабре 1685 г., сообщал, что Войско вновь не сумело организовать доставку в Москву и татарина, “Есенийкова сына”, и казака Григория.

Обнаружено еще несколько архивных свидетельств, расширяющих наши представления о реакции донских казаков на предложения со стороны Речи Посполитой идти к королю на службу. Эти документы, отметим, позволяют существенно скорректировать вывод С.И. Рябова о якобы не имевших место примерах службы донских казаков польской короне [9, с.98]. Напротив, еще в марте 1686 г. (помимо вышеприведенных данных) гетман И. Самойлович писал в Курск о том, что из польских “затягов” пришли казаки, запорожцы и донцы, в числе последних – Емелька Тума и Андришка Иляшенко. Родился Емелька в Черкасске – “отец де ево... был русской человек тонбовец салдат, а мать туркенья...” [10, л.3]. Емелька подтвердил, что в 1685 г. с Дона действительно ушла группа донских казаков, калмыков и татар – человек 300, причем у казаков был свой атаман, а предводителем калмыков и татар выступил уже известный тогда Бок [10, л.4]. Сначала все участники оказались в Сечи, откуда направились в “Полскую” и “Волоскую” земли. Через несколько месяцев на Сечи вновь принимали указанных воинов, путь которых оттуда, уже отягощенных добычей, лежал на Дон. Емелька тогда остался в Сечи, но затем перебрался в Немиров (привлеченный слухами о перспективах службы польскому королю), где и состоял при гетмане А. Могиленко; после чего, скорее всего, и воевал успешно на стороне польской короны.

Необходимо сказать и о том, что еще станица атамана Федорова (см. выше) доставила в декабре 1685 г. в Москву два письма, одно из которых, отправленных Войску, происходило от полковника Семена Палея, активного слуги польской короны, “создателя” т.н. Палеивщины – территории от Полесья до Дикого Поля, управляемой по “казацким законам” [11, с.108]. Сообщая о милости, оказанной королем Яном III ему и его полку, Палей писал об отправке на Дон ещё одного письма, переданного ему свыше и адресованного калмыкам. Прося Войско об оказании содействия, знаменитый полковник намекал на готовность принять в Немирове и казачьих “охотников” – обещая жалованье и прочие милости от Речи Посполитой [2, л.11-12]. Письмо датировано 24 мая 1685 г. Имеются основания полагать, что и в данном случае донцы не оставили без внимания столь привлекательное предложение. Ведь в итоге “Его Королевского Величества казачий полковник Палий” сумел стянуть к Фастову, своей “резиденции” неподалеку от Киева, до 2 тыс. казаков не только с Украины, но также с Дона [5, с.308]. В авангарде с 500-800 конными и пешими казаками, иногда с пушками, Палей (Палий) неоднократно нападал на ногайцев, совершал рейды к Бендерам, Газикерману, Очакову [5, с.308].

Грамотой от 1 марта 1686 г. цари повелевали Войску жить в “миру” с “азовскими и крымским людьми” – казакам запрещалось без царского указа ходить “войною” как под Азов, так “под крымские юрты и под нагайские села” [1, с.140]. Вместе с тем, царизм одобрительно отнесся к очередному замирению донских казаков с Азовом, даже признав легитимность процедуры согласно “войскового обычая” [1, с.140]. Следовательно, соответствующее отношение Москвы к таким акциям, ситуативно выгодным ей, не всегда продуктивно изучать в контексте несколько прямолинейной трактовки проблемы – “наступления правительства на политическую автономию донского казачества” (по С.И. Рябову). Примечательно, что в другой грамоте от 1 же марта, озвучив факт получения от казаков станицы палеевского письма, Москва, в отличие от случая с королевскими письмами, уклонилась от прямой оценки случая. Вероятно, причина столь “странного” отношения состояла в том, что С. Палей пользовался поддержкой Москвы в скрытом её противостоянии с Речью Посполитой и даже Крымским ханством [5, с.308-309].

В целом, считаем, разносторонние силы и обстоятельства (причем не одни лишь “внутрироссийские”) формировали и даже провоцировали (подогревали) недовольство казаков на

Дону, их военную активность. Теперь и в нападениях на османский Азов донцы склонны видеть экономическую составляющую, часто конфликты с турками вызваны причинами, не связанными с внешнеполитическими интересами России. Упомянутое выше недовольство казаков, порождённое ограничениями со стороны Российского государства, совпало во времени с таким явлением как “донской раскол” – когда в истории донского казачества началась первая (по Н.А. Мининкову) “братоубийственная война”. Рубеж 1680-х – 1690-х гг. станет очередным переломным этапом в развитии донского казачества, часть которого предпочтёт перейти в крымское подданство [12]. Полагаем, что для всестороннего анализа причин, приведших к такому повороту событий (как проявлению более масштабного конфликта казаков с Россией) необходимо обращение к проблеме политических и иных контактов Войска Донского с государствами Европы и Востока (Речью Посполитой, Османской империей, Крымским ханством).

Источники и литература

1. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. – Новочеркасск, 1891. – Т. 1.
2. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 111. – Оп. 1. 1685 г. – Д. 3.
3. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. – Ростов на/Д., 1961.
4. РГАДА. – Ф. 111. – Оп. 1. 1685 г. – Д. 4.
5. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. – М., 2001. – Ч. II.
6. РГАДА. – Ф. 111. – Оп. 1. 1685 г. – Д. 7.
7. Сухоруков В. Историческое описание Земли Войска Донского / Комментарии, дополнения, вступ. статья Н.С. Коршикова и В.Н. Королёва. – Ростов на/Д., 2001.
8. РГАДА. – Ф. 111. – Оп. 1. 1685 г. – Д. 9.
9. Рябов С.И. Донская земля в XVII веке. – Волгоград, 1992.
10. РГАДА. – Ф. 111. – Оп. 1. 1685 г. – Д. 6.
11. Таирова-Яковлева Т. Мазепа. – М., 2007.
12. Сень Д.В. Крымское ханство и казачество в последней четверти XVII – начале XVIII века: отношения в контексте международной политики (на примере донских и запорожских казаков) // 350-lecie unii hadziackiej (1658-2008) / Pod. red. Teresy Chynczewskiej-Hennel, Piotra Krolla i Mirosława Nagielskiego. – Warszawa, 2008.

Summary

The article is dedicated to the some aspects of political statute of Don cossacks after Bakhchisarai agreement in 1681.

В. А. Брехуненко

УКРАЇНСЬКЕ ТА ДОНСЬКЕ КОЗАЦТВО В ІСТОРІОГРАФІЇ

Проблема причетності українських козаків до генези донського козацтва має давню історіографічну традицію. Перші судження з цього приводу з'являються ще в XVIII ст., відколи започатковуються студії з генези донського козацтва. Той таки батько російської історіографії В. Татищев побачив, наприклад, у донських верхових козаках нащадків порубіжних мешчерських козаків, а низових донців виводив від п'ятитисячного загону запорожців, який під орудою князя Михайла Вишневецького ходив у 1570 р. під Астрахань, а на зворотньому шляху осів у пониззі Дону, заснувавши м. Черкаськ – майбутню столицю Війська Донського [1, с.168-169]. Дещо пізніше з В. Татищевим повністю погодився І. Болтін [2, с.342-343].

Власне В. Татищеву і належить першість у порушенні питання щодо причетности українського елементу до зародження донського козацтва. А вже невдовзі О. Рігельман доходить до крайньої позиції: “З цих часів і згаданим порядком донські козаки від українських черкаських козаків дійсно початок свій беруть на Дону і перше місто своє вище Азова у 50-ти верстах на правому боці ріки Дону на острові по йменню колишнього свого міста Черкаси Черкаський побудували, а по ріці Дону донськими козаками назвалися, а не так, як вони про себе байкують” [3, с.7].

Не забракло й протилежної версії. У 1834 р., за 12 років до того, як дослідження О. Рігельмана стало історіографічним фактом, побачила світ “Історія Донського війська” В. Броневського, де автор повністю ігнорує вплив українського та тюркського чинників, вважаючи донських козаків “безпосередньо російськими вихідцями, котрі не змішалися ні з первісним населенням Дону, ані з якими іноплеменцями”. За іронією долі, В. Броневський сприйняв тезу В. Татищева про походження донців від мешчерських козаків, які якраз і були переважно тюрками за походженням.